

КУЛЬТУРА

СКАНДАЛ АРХИТЕКТУРА

Дом Мельникова наполовину продан

Часть мирового шедевра конструктивизма купил сенатор Гордеев

Вчера стало известно, что половина дома великого архитектора Константина Мельникова больше не принадлежит его наследникам. Ее купил сенатор от Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Сергей Гордеев. Цель приобретения — создание в доме музея русского архитектурного авангарда. По мнению обозревателя „Ъ“ ГРИГОРИЯ РЕВЗИНА, это благое намерение — начало гибели шедевра русского авангарда.

5 февраля умер Виктор Мельников, сын великого архитектора Константина Мельникова и хранитель его дома в Кривоарбатском переулке (см. „Ъ“ от 7 февраля). Этот дом — шедевр русского авангарда, входящий в любую книгу по архитектуре XX века. Свою половину дома Виктор Мельников завещал Российской Федерации с тем, чтобы в доме был сделан музей. Вторая половина принадлежала его племяннику Алексею Илькинаеву. Однако полученная „Ъ“ 6 марта 2006 года выписка из Единого государственного реестра свидетельствует, что господин Илькинаев больше не является собственником дома. Он продал свою половину господину Гордееву.

Сергей Эдуардович Гордеев — человек очень заметный. Это самый молодой член Совета федерации (ему 34 года), сенатор от Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, заместитель гендиректора Национального союза дзюдо, основатель компании «Росбилдинг». Его интерес к русскому авангарду стал известен недавно: две недели назад он дал «Независимой газете» интервью «Сохранить самобытную линию в русской архитектуре», в котором признался в любви к русскому конструктивизму, в особенности к дому Мельникова и дому Наркомфина Моисея Гинзбурга (второй известный шедевр советской архитектуры). В интервью он высказал желание заботиться об этих домах и сообщил, что в этом желании его поддерживают депутат Государственной думы Иосиф Кобзон и Москомархитектура. О покупке половины дома Мельникова он умолчал.

Директор Государственного музея архитектуры Давид Саркисян, которому Министерство культуры поручило заниматься домом Мельникова, на просьбу корреспондента „Ъ“ охарактеризовать нового владельца отреагировал бурно и положительно. По словам господина Саркисяна, с просьбой принять сенатора, интересующегося домом Мельникова, к нему обратился Иосиф Кобзон. После чего господин Гордеев, блистая эрудицией в области истории искусства, архитектуры готики и живописи Вермеера, предложил резко увеличить финансирование музея. Вместе с Сергеем Эдуардовичем Музей архитектуры намеревается создать фонд архитектуры русского авангарда, в который, разумеется, будет включен и дом Мельникова, и (по возможности) дом Гинзбурга, а также архивные материалы по Мельникову. Господин Гордеев, кроме того, выразил желание помочь музею в приобретении архивов других знаменитых авангардистов и их наследников. Долгие годы общаясь с директором Музея архитектуры, я никогда прежде не видел у него такого энтузиазма.

Компания «Росбилдинг», основателем и формальным руководителем которой до 2003 года являлся сенатор (после 2003 года он сменил пост директора компании на место проректора Тольяттинской академии управления, откуда пересел в кресло сенатора от УОБАО), — это так называемые рейдеры. Специализация компании — поглощение предприятий, их закрытие и последующая продажа земли. В Москве компания провела эту операцию в отношении нескольких десятков предприятий. Некоторое время она действовала вне зависимости от московского правительства. В 2004 году, когда ею была приобретена фабрика имени Петра Алексеева, она вступила в конфликт с правительством Москвы, и мэр Юрий Лужков высту-

Дом в Кривоарбатском переулке — святое место для мировой архитектуры. Пустым оно может оставаться еще недолго ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕБЕДЕВА

пил против «Росбилдинга», обвинив компанию в подрыве промышленного потенциала столицы. Однако конфликт удалось разрешить к удовольствию обеих сторон, и уже в прошлом году первый вице-мэр Владимир Ресин представил «Росбилдинг» в качестве главного застройщика микрорайона Марфино, где предстоит снос ветхого жилья, расселение и новая застройка.

Сенатор Гордеев, однако, купил лишь половину дома Мельникова, а половина по завещанию Виктора Мельникова принадлежит Российской Федерации. Однако через неделю после смерти Виктора Константиновича состоялось заседание суда, на котором в порядке прокурорского надзора были оспорены его имущественные права. По словам Екатерины Викторовны Каринской, его дочери и душеприказчицы, ее сестра Елена Викторовна требует признать действительной дарственную на дом, выданную ей отцом в 2003 году.

Здесь следует напомнить, что два года назад в присутствии журналистов (в том числе корреспондента „Ъ“) Виктор Мельников обвинил свою дочь Елену Викторовну в том, что она подложным путем получила у него дарственную на дом. Он был практически слепым, и, по его словам, она дала ему подписать бумагу совершенно иного содержания, а потом выяснилось, что это была дарственная. Виктор Мельников оспорил эту дарственную в судебном порядке, выиграл суд, и решение суда вступило в законную силу. Именно оно и оспаривается в президиуме Верховного суда.

Суд по лишению покойника его имущественных прав не принял никакого решения, заседание отложено до 16 марта. Надо сказать, что это уникальная ситуация, ведь суду практически предстоит принять решение по отъему собственности у государства, которому завещал свое имущество Виктор Мель-

ников. Одновременно претензии предъявлены врачу-офтальмологу Александру Верзину, лечившему Виктора Мельникова и засвидетельствовавшему в суде, что тот был слеп. Хотя то, что Виктор Мельников в конце жизни практически ослеп, может подтвердить масса людей, в том числе и автор настоящего текста.

По словам Екатерины Викторовны Каринской, сенатор Гордеев настоятельно просил ее не мешать сестре выиграть суд. По ее сведениям, после суда он собирается выкупить у Елены Викторовны ее долю и, став обладателем всего дома, наконец-то выполнить волю Виктора Мельникова и создать музей. Пусть не государственный, а частный.

Действия сенатора Гордеева по получению дома Мельникова один в один напоминают рейдерскую операцию: покупка части имущества у одного из владельцев, судебное дело против других владельцев, обеща-

ния финансовых перспектив заинтересованным лицам (его тактика в отношении Музея архитектуры). Но само по себе это вовсе не доказывает, что он не собирается делать музей Мельникова. В конце концов, любой человек действует так, как он умеет и как привык.

Но возможно и иное развитие сюжета. В интервью „Ъ“ главный архитектор Москвы Александр Кузьмин говорил о проблемах со зданиями русского конструктивизма: «эти здания, в основном жилье, находятся в тяжелом состоянии, их нужно сносить, но они памятники, и, хотя это очень тяжело, решение этого вопроса назрело».

Дом Мельникова — это восемь соток земли на Арбате. То есть \$30–40 млн. И у нас есть множество примеров того, как поступают в этом случае в столице. Появляется частная структура, которая покупает у какой-нибудь старушки квартиру в особнячке в центре за сумму в сто раз меньшую, чем стоимость земли. Потом начинаются суды с другими владельцами. Потом случается несчастье, например пожар. И какой-нибудь ответственный чиновник растерянно говорит: «Ну что вы хотите! Случилась беда! Стихия! Но мы обещаем, что все восстановим, что все будет еще лучше, чем до пожара!» И появляется муляж утраченного памятника, а над ним — восьмизатяжный дом в порядке инвестиционной активности.

И ни одного примера, когда действуют иначе, ни одной научной реставрации, сохранения, создания музея; есть только реконструкция с заменой подлинного здания муляжом. Я позволяю себе напомнить читателю, что хотя Иосиф Давыдович Кобзон и сам является национальным культурным достоянием России, ему, по некоторым данным, принадлежала часть акций АО «Военторг» до того, как памятник, стоявший на Воздвиженке, снесен в 2004 году. Я боюсь, что мы имеем дело с накатанной схемой, и если моя аналогия, не дай бог, верна, дом Мельникова исчезнет. Вместо него появится бизнес-центр, в атриуме которого окажется бетонный муляж дома Мельникова. С музеем или без музея внутри — уже неважно.

Сергей Гордеев: я только помогаю

Новый владелец части памятника сенатор СЕРГЕЙ ГОРДЕЕВ объяснил МАЙЕ СТРАВИНСКОЙ свои действия и сложившуюся вокруг памятника ситуацию.

— Скажите, как вам удалось выкупить половину дома, для этого ведь нужно было согласие второй стороны?

— Было, было согласие. Понимаете, можно сказать, я это сделал по просьбе государства. Я ведь это обсуждал со всеми, прошел все ведомства, и Министерство культуры, и Комитет по охране памятников города Москвы, и Комитет по культуре Госдумы, все они, в общем, в курсе этого проекта. Я лично просто хочу помочь в данной ситуации...

— Вы стали владельцем половины дома Мельникова. На другую половину сейчас претендует дочь Виктора Мельникова Елена. Может, вы и у нее собираетесь выкупить половину, если она выиграет суд?

— Я не собираюсь выкупать вторую половину дома. Вот есть человек, который является экспертом в данном вопросе, — это директор Музея архитектуры Давид Саркисян. И моя за-

дача помочь ему в создании музея Мельникова — вот и все. Такая у меня позиция.

— А в чем ваша помощь заключается?

— Я приобрел эту половину дома. Я лично еще помочу с поиском средств на реставрацию. Моя помощь — она в данном случае такая, материальная.

— А почему вы за это взяли? Только исключительно из-за любви к архитектуре?

— Ну конечно. Мы еще при жизни Виктора Константиновича обсуждали это, несколько лет этим занимались.

— Вы общались с ним?

— Конечно. Мы общались, и не раз.

— То есть он вас, можно сказать, благословил? Или об этом речь не идет?

— Нет, а почему он должен меня благословить?

— Вы интересуетесь архитектурой, и, говорят, у вас есть целая коллекция архитектурной графики. Может эта коллекция стать в будущем частью экспозиции музея?

— Да нет, нет, ни в коем случае! Это же будет музей дома Мельникова, а не Музей архитектуры.

— А как вы относитесь к желанию Виктора Мельникова, чтобы в доме был музей отца и сына Мельниковых?

— Я не знаю. Я считаю, что это должен быть музей дома Мельникова, не музей Мельникова, а музей именно этого конкретного проекта.

— Вы будете еще что-то предпринимать в связи с домом Мельникова?

— Я еще раз хочу сказать: я буду действовать в рамках того плана, которого будет придерживаться Музей архитектуры. В данном случае я только помогаю, и более того, у меня нет никакого своего плана или проекта.